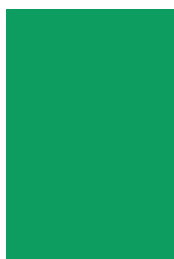

Джек Трейнор

Кандидат на степень доктора философии (PhD) в Дублинском университете

Специалист по политической истории

Упадок изучения политической экономики

«Политическая экономика» в значительной степени вышла из моды, и там, где этого не произошло, она часто сводится к простой бизнес-экономике. Великая ценность политической экономики заключается в том, что она рассматривает экономику, общество и государство как взаимосвязанный организм и анализирует его физиологию (1). Это позволяет экономическим анализам оставаться твердо основанными на разуме. Обсуждения экономики часто могут скатываться в крайнюю абстракцию, в то время как основные реалии полностью игнорируются. Профессиональные экономисты часто страдают от «проклятия знания» и оказываются неспособными сделать шаг назад и оценить ценность строгого изучения политической экономики. Это позволяет людям с различными убеждениями понять мир с точки зрения, доступной для всех, без необходимости в особой вере.

Традиция политической экономики унаследована от великих капиталистических мыслителей XVII и XVIII веков. Среди них главные — Уильям Петти, Адам Смит, Дэвид Рикардо и Джон Стюарт Милль. Самая ценная часть работы Маркса и Энгельса, вероятно, заключается в их работе по политической экономии, которая была развитием «классической» политической экономики. Перекрытие между политической экономией и традиционной историей политической мысли значительно. Это можно увидеть, например, в том, что Петти был секретарем Томаса Гоббса и преданным учеником этого великого английского реалистического философа.

Вклад марксизма в политическую экономию замечен в исторических трудах XX века, особенно в исследованиях ученых, связанных с группой историков внутри Коммунистической партии Великобритании (2). Историк Английской революции Кристофер Хилл иногда касался этой темы, описывая группу историков как «лучшее академическое историческое образование, которое я когда-либо получал», потому что оно предоставляло инструменты для понимания «тотальной истории», состоящей из различных элементов. «Я вижу литературу, религию, экономику и историю как части одной общей картины», — утверждал он (3). Работа Хилла и его фокус на Английской революции (революции Кромвеля) особенно включали понимание политической экономии, воспринятой из его марксистской политической организации.

Плановая экономика и её кризис

Вернер Крейц (4) в своем исследовании плановой экономики Советского Союза отметил, что теоретическая отправная точка Маркса, согласно которой производственные отношения определяют человеческую историю, т. е. человеческое сознание во всех его проявлениях (исторический материализм), была ошибочной. Однако Крейц ценил вклад Маркса в политическую экономию. Он считал, что природа противоречия между социальной формой производства и частной собственностью в рамках капиталистической системы и вытекающее из этого отсутствие планирования в капиталистической экономике,

сформулированные Марксом, были убедительными. Любимым средством Крейца для устранения этого противоречия была плановая экономика. Изучая советскую плановую экономику, Крейц пришел к выводу, что, несмотря на весь акцент на Марксе, экономическое развитие России было гораздо более связано с уникальными аспектами русского национального характера (5). Доктрина Сталина о социализме в одной стране, несомненно, придала вес наблюдениям Крейца.

Хотя Крейц считал, что экономическое развитие Советского Союза шло своим, особенно российским путем, общая нить поддержки плановой экономики естественным образом прослеживалась в левом дискурсе XX века. В 1980-х годах против этого тренда выступил американский экономист Дон Лавуа, считавший, что централизованное планирование является близоруким и не учитывает стремительно меняющуюся природу экономической деятельности. Он надеялся обратиться к политической левизне, изложив традицию интеллектуального сопротивления командной экономике с эпохи Английской революции, подчеркивая деятельность таких групп, как Левеллеры (изученных Хиллом). Аргументы Лавуа против централизованного планирования частично основывались на теории о том, что вместо того, чтобы уничтожить централизованную элиту, управляющую секциями экономики как своими личными феодами, политика централизованного планирования просто укрепила бы новую плутократию (6). Опубликованная в 1985 году книга Лавуа «Национальное экономическое планирование: Что осталось?» не вызвала большого интереса у левых. К тому времени Горбачев пришел к власти в Советском Союзе и постепенно двигался к демонтажу марксистского государства. Но более чем за тридцать лет до гласности и перестройки восточный блок отказался от анализа политической экономии, который был великим вкладом Маркса в экономическую мысль. Марксистские политические машины как на западе, так и на востоке просто пытались достичь консенсуса о том, что советский монолит должен быть разобран. Самое яростное сопротивление исходило от русских националистов и ностальгистов, которые неявно выражали свое неприятие на языке марксизма-ленинизма, в основном потому, что это был обычный лагерь оппозиции, к которому можно было обратиться.

Упадок политической экономии на левом фланге

Упадок изучения политической экономии на левом фланге можно проследить до послевоенного упадка радикальных левых партий в Западной Европе. Хотя понимание работы Маркса как существенной политической экономии никогда не требовало подчинения какой-либо всеобъемлющей мировоззренческой системе, марксизм-ленинизм — это другое дело (7). Коммунистические партии, придерживавшиеся линии Москвы, пережили свой расцвет сразу после Второй мировой войны. Во Франции коммунистическая партия (ФКП) сыграла ключевую роль в сопротивлении нацистской оккупации, что принесло ей значительный престиж. Народная поддержка проявилась в первом месте ФКП на парламентских выборах 1945 года во Французское учредительное собрание. Де Голль повысил коммунистических министров до своего послевоенного кабинета, дав им значительное влияние на экономические дела. В Италии первые послевоенные

выборы, состоявшиеся в 1946 году, привели к победе христианских демократов; однако Социалистическая партия (ПСИ) и Коммунистическая партия (ПКИ) вместе набрали 40% голосов. ПКИ была крупнейшей коммунистической партией в Западной Европе по численности, имея более двух миллионов членов к 1946 году. В Греции шла ожесточенная гражданская война между доминировавшим коммунистами ЕАМ, который успешно освободил страну без необходимости вмешательства союзников, и поддерживаемым Британией греческим королевским правительством.

В послевоенный период западные коммунистические партии использовались Сталиным как простые инструменты для лоббирования более благоприятной политики по отношению к Советскому Союзу. Их зависимость от Москвы подверглась испытанию критическими событиями, такими как советский ответ на Венгерскую революцию 1956 года и вторжение Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году. Оба внешних события вызвали серьезные расколы внутри большинства западных коммунистических партий. Тем временем, восстание французских студенческих радикалов в мае 1968 года оказалось мимолетным явлением, частично из-за того, что ФКП плохо справилась с ситуацией. Щедрые уступки, которые французское профсоюзное движение, Конфедерация общего труда, выторговала у правительства в обмен на прекращение забастовок, также привели к угасанию радикализма мая 68-го.

Частично разочарованные суровостью советского мира, западные интеллектуалы-марксисты постепенно отходили от анализа политической экономики и переходили к разработке всеобъемлющей философии. Существует много теорий о роли Франкфуртской школы в этом процессе, но я не придаю этой точке зрения особого значения. Большое влияние на отход от политической экономики оказала разработка марксистской философии Луи Альтюссером в 1970-х годах. Она предоставила общий лексикон для троцкистов и западных марксистов. В последние десятилетия холодной войны большинство западноевропейских коммунистических партий перешли к «еврокоммунизму». Пытаясь проложить путь, отличный от того, который был определен советским монолитом, коммунистические партии Испании, Франции и Италии начали «модернизироваться» и внезапно отказались от многих центральных догм марксизма-ленинизма. Эта тенденция возникла еще до распада Советского Союза.

Марксистские государства отказались от самого важного наследия Маркса (политической экономики), и в конечном итоге они рухнули. Однако вакуум не был заполнен возрожденной капиталистической школой политической экономики, пропагандируемой победителями холодной войны. Маргарет Тэтчер утверждала, что «не существует такого понятия, как общество, есть только отдельные мужчины и женщины, а также их семьи» (и их «выборы»). Это иллюстрировало удаленность капиталистического мира от классической политической экономики, которую она утверждала защищать (8).

Студенты политической экономии должны с ясной головой осознать ценность работ, оставленных нам целым рядом авторов на эту тему. Доминирование финансового капитализма в наши дни и тот факт, что большинство денег почти повсеместно цифровые, возможно, должны заставить нас задуматься о том, может ли возобновление взаимодействия с политической экономией лучше направить нас в грядущие бурные годы.

- (1) This definition was offered by Brendan Clifford in the 1992 edition of *The Economics of Partition*.
- (2) For example: E.P. Thompson and Victor Kiernan.
- (3) *International Socialism*, vol. 56, p. 128.
- (4) Крейц был межвоенным немецким экономистом, чья работа отличалась четким анализом и быстротой, но в значительной степени была забыта
- (5) Werner Kreitz, *Kapitalismus, Sozialismus, Planwirtschaft* (1935).
- (6) Don Lavoie, *National Economic Planning: What is Left?* (1985)
- (7) «Развитие капитализма в России» Ленина — это значительное произведение по политической экономии. Марксизм-ленинизм, ставший государственной идеологией Советского Союза, постепенно отказался от политической экономии, и Советский Союз впоследствии застопорился.
- (8) Thatcher famously was said to carry a copy of Adam Smith's *The Wealth of Nations* in her handbag.